

Н. Сладков
СКАЗКИ

Рисунки
И. Цыганкова

«МАЛЫШ»

ЧЬЯ ПРОТАЛИНА?

Увидела Сорока первую проталину — тёмное пятнышко на белом снегу.

— Моя! — крикнула. — Моя проталина, раз я первая её увидела!

На проталине семена, жучки-паучки копошатся, бабочка-лимонница лежит на боку — отогревается. У Сороки глаза разбежались, уж и клюв разинула, да откуда ни возьмись — Грач.

— Здр-расте, уже явилась! Зимой по вороньим помойкам шастала, а теперь на мою проталину! Некрасиво!

— Это почему же она твоя? — застрекотала Сорока. — Я первая увидела!

— Ты увидела, — гаркнул Грач, — а я о ней всю зиму мечтал. За тыщу вёрст к ней торопился! Ради неё тёплые страны покинул. Без неё и меня бы тут не было. Где проталины, там и мы, грачи. Моя проталина!

— Что он тут каркает! — затарахтела Сорока. — Всю зиму на юге грелся-нежился, ел что хотел, а вернулся — проталину ему без очереди подавай! А я всю зиму мёрзла, с помойки на свалку металась, вместо воды снег глотала и вот, чуть живая, слабая, высмотрела наконец проталину, так и ту отнимают. Ты, Грач, только на вид тёмный, а сам себе на уме. Кыш с проталины, пока в темя не клюнула!

Прилетел на шум Жаворонок, огляделся, прислушался и защебетал:

— Весна, солнце, небо ясное, а вы ссоритесь. И где — на моей проталине! Не омрачайте мне радость встречи с ней. Я жажду песен!

Сорока и Грач только крыльями всплеснули.

— Почему же она твоя? Наша это проталина, мы нашли. Сорока всю зиму её ждала, все глаза проглядела. А я, может, так торопился с юга к ней, что чуть крылья в пути не вывихнул.

— А я родился на ней! — пискнул Жаворонок. — Если поискать, так тут ещё и скорлупки от яичка, из которого я вылупился, можно найти! Вспомню, бывало, зимой на чужбине гнездо родное — и петь неохота. А сейчас песня так и рвётся из клюва — даже язык дрожит.

Вспрыгнул Жаворонок на кочку, глаза прижмурил, горлышко у него задрожало — и полилась песня как весенний ручеёк: зазвенела, забулькала, зажурчала. Сорока и Грач клювы разинули — заслушались. Им-то никогда так не спеть, горло у них не то, только и могут, что стрекотать и каркать.

Долго бы, наверное, слушали, разомлев на вешнем солнышке, да дрогнула вдруг под ногами земля, вспучилась бугорком и рассыпалась.

И выглянул Крот — зашмыгал носом.

— Никак прямо в проталину угодил? Так и есть: земля мягкая, тёплая, снега нет. И пахнет... Уф! Весной, что ли ча, пахнет? Весна, что ли ча, у вас наверху?

— Весна, весна, землерой! — сварливо закричала Сорока.

— Знал, куда угодить! — подозрительно буркнул Грач. — Хоть и слепой...

— Тебе-то зачем наша проталина? — проскрипел Жаворонок.

Крот принялся к Грачу, к Сороке, к Жаворонку — глазами-то он худо видит! — чихнул и говорит:

— Ничего мне от вас не надо. И проталина ваша мне не нужна. Вот землю вытолкну из норы и назад. Потому что чую: погано у вас. Ссоритесь, чуть не дерётесь. Да ещё

и светло, сухо, воздух свежий. Не то что у меня в подземелье: темно, сыро, затхло. Благодать! Ещё и весна у вас тут какая-то...

— Как ты можешь так говорить? — ужаснулся Жаворонок. — Да знаешь ли ты, землерой, что такое весна!

— Не знаю и знать не хочу! — фыркнул Крот. — Не нужна мне никакая весна, у меня под землёй круглый год одинаково.

— Весной проталины появляются, — мечтательно сказали Сорока, Жаворонок и Грач.

— А на проталинах скандалы начинаются, — снова фыркнул Крот. — А ради чего? Проталина как проталина.

— Не скажи! — подскочила Сорока. — А семена? А жуки? А ростки зелёные? Всю зиму без витаминов.

— Посидеть, походить, размяться! — гаркнул Грач. — Носом в тёплой земле порыться!

— А петь-то как над проталинами хорошо! — взвился Жаворонок. — Сколько в поле проталин — столько и жаворонков. И все поют! Нет весной ничего лучше проталины.

— А чего тогда спорите? — не понял Крот. — Жаворонок хочет петь — пусть поёт. Грач хочет маршировать — пусть марширует.

— Правильно! — сказала Сорока. — А я пока семенами и жуками займусь...

Тут снова начались крики и перебранка.

А пока кричали и ссорились, в поле новые проталины появились.

Разлетелись птицы по ним весну встречать. Песни петь, в тёплой земле порыться, червячка заморить.

— Пора и мне! — Крот сказал. И провалился туда, где ни весны, ни проталин, ни солнца и ни луны, ни ветра и ни дождя. И где даже спорить не с кем. Где всегда темно и тихо.

КРОТ

— Кто тут? — подскочила Сорока. — Не гриб ли уж из земли лезет?

Кучка земли распалась, и высунулся из неё... Крот!

— Уфф! — сказал Крот. — Благодать. Пахнет. И в самом деле благодать: солнце, трава, цветы.

— Но ты-то, слепой, чему радуешься? — удивилась Сорока. — Не видишь же ничего!

— Зато чую! — обиделся Крот. — Душа замирает от благоуханий!

— Сейчас душа твоя ещё больше замрёт, — пообещала Сорока. — Судить тебя будем, Крот!

— Не виноват! — хрюкнул Крот. — Ни перед землёй, ни перед небом!

— Виноват! — сказала Сорока. — Перед людьми виноват! Имя, фамилия, профессия?

— Крот я обыкновенный. Потомственный землерой. Живу и работаю под землёй. Под землёй родился, под землёй и умру...

— Нас не разжалобишь! — затарахтела Сорока. — Ты зачем в цветниках и парках корни подкапываешь? Отвечай!

— Виноват! Сослепу. Столько там под землёй разных корней напутано — поди разберись. Тут и глазастый-то проморгает. Нечаянно я.

— За нечаянно бьют отчаянно! Слыхал? Это не оправдание.

— Есть у него оправдание! — вмешался Ёж. — Дайте я за него скажу. Он свой вред — как это? — ком-пен-сирует. Поедает вредных жуков и личинок, которые тем самым корням больше его вредят. Это раз.

— А вот и два! — не успокаивается Сорока. — Он ещё луга своими кротовинами засоряет. Косари жалуются.

— Да! — защищает Ёж. — Засоряет! Но зато какую он — как это? — аэ-ра-цию в земле делает! Ты и слова-то не слыхала такого, а он — делает. Взрыхляет, вскапывает, землю перемешивает. А от этого трава гуще и выше растёт. Вреда-то чуть, зато сколько пользы! Его на Доску Почёта надо, а не на скамью подсудимых.

— А у меня на него и в-третьих есть! — не уймётся Сорока. — Жалуются, что он картошку и морковку в огородах грызёт. Отвечай, грызёшь или нет?

На что уж Крот молчалив, а не вытерпел.
— Не грызу! — сказал. И умолк.

А Ёжик расхохотался.

— Послушай! — сказал Ёж. — Так он же — как это? — на-се-комо-ядный! Как и я. Не нужны нам ни овощи, ни фрукты. У нас от них только живот заболит. По незнанию говорят. Я тоже по ночам в огороды наведываюсь. Не за морковкой, а за личинками и слизняками. Так и Крот. А он там ещё и аэрацию проводит. Своими глазами видел.

— Помолчи! — сказала Сорока. — У меня от твоих учёных слов даже голова разболелась. Провались ты, Крот, вместе со своей аэрацией!

И Крот провалился, словно и не бывало.

— Проголодался! — хихикнул Ёж. — Аэрацию делать отправился, молодец. Старательный — весь в меня.

